

*НЕИСЧЕЗАЮЩЕЕ
«ПРОШЕДШЕЕ НАСТОЯЩЕЕ»:
В ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ О ВОЙНЕ*

*Гул бытия**

Лариса Лисюткина

Комментарий обязывает к метапозиции в отношении комментируемого материала. В данном случае это должна быть метапозиция «второго порядка», ибо комментировать приходится два корпуса текстов: саму дискуссию, т. е. материал первого дискурсивного уровня, и её обсуждение, представляющее собой первый аналитический уровень в отношении текста самой дискуссии (см. журнал *Гендерные исследования*, №18, 2008, с. 7–95).

Итак, исходный предмет моего комментария – дискуссия по поводу войны с Грузией на сайте Харьковского Центра гендерных исследований (ХЦГИ: <http://www.gender.univer.kharkov.ua>), проходившая с 9 по 28 августа 2008 года. Это эмоционально и интеллектуально насыщенный текст на четырёх языках, состоящий из разных по смыслу и по размерам секвенций. Его создали, как минимум, тридцать пять человек: женщин и мужчин из многих стран. Учесть и представить всех дискуссионщиков в рамках этого комментария даже вдогонку к

* См. также <http://shaherezada.livejournal.com/147039.html> (*Прим. ред.*)

Перевод статьи Анжелики Эбрехт «“Дикие парни”, страсть, мораль и любовь: невидимые параллели между отношениями полов и антропологией расизма» в (*Гендерные исследования*, №18, с. 283 – 298) выполнен Ларисой Лисюткиной. Редакция журнала приносит свои глубочайшие извинения Ларисе Лисюткиной в связи с неупоминанием ее авторства как переводчицы данной статьи.

другим, уже ранее опубликованным, невозможно: кто есть кто, кто где живёт, постоянно или временно, у кого какая этническая и национальная идентичность. Текст открывается обращением к будущим участникам дискуссии, но это не фраза, не стейтмент, а вскрик: «Дорогие все». Как будто мы в лесу – Ау, есть кто вокруг? Отзовись!

Пятнадцать лет назад сам тип такой всеобъемлющей коммуникации нельзя было себе представить. Трудно переоценить технические возможности самоорганизации и самовыражения, которые сейчас есть в нашем распоряжении. Как мы ими воспользовались – другой вопрос. И он – самый главный. Обращение «Дорогие все» опубликовала Елена Гапова, белорусская исследовательница, специалистка по гендеру, работающая в США, штат Мичиган. Полный текст обращения: «Дорогие все, кажется, в этом списке был кто-то из Тбилиси. Напишите, если можете, как вы... Е. Г.».

Так на следующий же день от начала российских военных действий в Грузии в дискуссионной рассылке Харьковского центра гендерных исследований начался дискурсивный обмен репликами об этом событии. В полном объёме это 40 страниц печатного текста. Виражи, пики и разрывы в протекании коммуникации не поддаются никакому графическому отображению. Мне кажется, что попытка хоть как-то формализовать и логически выстроить данный материал виртуального говорения обречена на неудачу. У меня этого не получилось. Если считать, что цель дискуссии была в том, чтобы повлиять на ситуацию войны, или, как минимум, хотя бы быть услышанными, то вся она целиком представляет собой «флоп». На мой растерянный вопрос: «Что же можно написать об этом тексте?» его инициатор Елена Гапова ответила: «Не знаю. Мне кажется, что можно написать, что получившаяся дискуссия часто выявляет позиции, для которых “феминизм” является только прикрытием» (комментарий в ЖЖ: <http://pigbig.livejournal.com/311451.html?thread=4092059#t4092059>).

Все участницы и участники в дискуссионном списке ХЦГИ по умолчанию исходили из того, что она ведётся с позиций феминизма. А это значит, что её исходным принципом было убеждение в наличии общих женских интересов, вне зависимости от национальных, политических, религиозных, расовых и всех прочих контекстов, в которые включены люди по разные стороны от линии фронта. Вопросы, из-за которых ломали копья на Полит.ру: Кто прав – кто виноват? Кто первый начал? – тут не должны были обсуждаться. Они были нерелевантны в силу того, что среди участников ЭТОЙ дискуссии изначально был консенсус относительно неприемлемости войны как средства разрешения каких бы то ни было конфликтов. Пояснительное замечание в скобках для тех, кто не в курсе феминистского дискурса: он не предполагает, что высказываться с феминистских позиций имеют право только женщины. Феминизм – это методология, научный язык и поле научных и социальных интересов. Нет, это, конечно, ещё

и тип социального поведения. Биологический пол субъектов дискуссии (тех, кто высказывается) не имеет значения. Присутствие в числе участников Игоря Кона, Сергея Прохорова и других мужчин, например, упомянутого в ходе дебатов гендериста Сергея Ушакина – нормальное явление, которое ничего само по себе не доказывает и не опровергает.

Почти сразу после начала дискуссии обнаружилась ограниченность её прагматического аспекта: стало ясно, что превратить обсуждение в дискуссионном списке ХЦГИ в инструмент вмешательства в события на Кавказе не удастся. Результат дискуссии не проявился в мобилизации общественного мнения, она не попала в поле внимания широкой публики. Не стала она и путём к консолидации и выработке общей позиции гендерного сообщества. Скорее наоборот. По мере нарастания объёма текста, он всё дальше отходил от диалогичности, уступая место монологическим высказываниям «в три экрана». И хотя изначально ни о каких конкретных целях дискуссии не было заявлено, её участники понимали, что она себя исчерпала, едва начавшись. Казалось бы, в ней прозвучало всё, что должно было прозвучать:

– ссылки на положения гендерной теории: «Обычный мужской способ компенсации того, что он не женщина, то есть вынимать свой Большой Пистолет...» (См. Валери Соланас, *Манифест общества полного уничтожения мужчин* (KOLONNA Publikations: Тверь, 2004));

– *обращения*: «Обращаемся к матерям и жёнам солдат России!!!!» – Марина Табукашвили;

– *разоблачения*: «*Независимая Газета* представила на своём сайте фотогалерею “Война в Южной Осетии. Вторые сутки”, где фразу “Города Цхинвали больше не существует” иллюстрируют фотографии из разрушенного грузинского города Гори» – Таня Бурейчак;

– *политические стейтменты*: «Мне ненавистна политика российской власти, оперирующая инструментами силы и наглости <...> Я давным-давно ощущаю себя маргиналкой в своей стране, где большинство народа разделяет другие ценности и голосует по-другому, чем я» – Ольга Липовская;

– *личный разговор*: «Как человек, я в большом шоке, испуге, тревоге, и даже иногда в панике» – Ольга Плахотник;

– *споры*: «Я не уверена, что собравшиеся в этом списке озабочены тем, как “помочь Грузии”. Сейчас вот обсуждение “что мы можем сделать”, начатое обращением Марины Табукашвили к женщинам России, соскочило, после пришедшей вчера статьи “как помочь Грузии”. То, чего я опасалась, произошло. Я, пожалуй, отпишусь от листа, потому что подобных форумов (вообще, а сейчас тем более) в интернете достаточно. Гендерная рассылка была одна» – Елена Гапова;

– *сочувствие*: «я страшно жалею бедных, наверное, даже голодных? российских солдат. Посмотрите эти кадры. *Жалко, безумно жалко оккупанта.*

Что-то сильно не так в этом мире. Всегда ваша, Галина Петриашвили» – Галина Петриашвили;

– *истерика*: «Пожалуйста, исключите мой адрес из списка этой группы!!!!!!! Я подписывалась на рассылку другого качества и содержания. Я не желаю не только читать, но и открывать письма, авторы которых, выражая свои мысли по-русски, активно используют слово «ихние» и обсуждают политические материи подобным образом». – Екатерина Болтунова;

– *анализ*: «Но это же иллюзия, что войны не было: национальные войны новых национальных государств не прекращаются с 1989, для бывшего СССР – с 1991 года» – Ирина Жеребкина;

– *Итог*: «ЧТО БЫ МЫ ТУТ НИ ГОВОРИЛИ, ЭТО НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИТ».

Этот итог обескураживает. Если мы не можем ничего изменить, то зачем нужна дискуссия? Несущественность маленького гендерного сообщества, и без того понимающего свою маргинальность, выявилась в критической ситуации разразившейся войны с такой силой, что поневоле на ум приходит ЖЖ-шный мем: Аффтгар, убей себя апстену. Аффтгар в данном случае подразумевается коллективный – всё участвующее в дебатах гендерное сообщество. Но отрицательный результат на этом не кончается, он идёт дальше. Ладно бы одна только дискуссия потерпела крах – что ещё можно было от неё ожидать, учитывая специфику той среды, которая окружает гендерное сообщество на постсоветском пространстве. Но вот мы, как и подобает профессиональным теоретикам, пытаемся *post factum* проанализировать свою же собственную дискуссию – и опять ничего не получается. Она не поддаётся анализу! Весь её текст резистентен по отношению к попыткам критики. Те тексты-комментарии, которые должны были бы содержать аналитику прошедшей дискуссии, почти явно избегают какого бы то ни было прямого обсуждения самой дискуссии. Они с ней почти не соприкасаются. В них ничего не говорится напрямую о войне, о позициях участников дискуссии, об отсутствии реакции извне и консенсуса изнутри. Странно, но в обсуждении дискуссии не цитируется и не рассматривается её *текст* (кроме стратегии цитирования и стремления реконструировать общую логику, или, как минимум, выявить связующую нить в комментарии Ирины Жеребкиной). Почему-то авторы комментариев к дискуссии обходят сам текст стороной, то есть замалчивают, вытесняют его из дискурсивного пространства обсуждения. Вместо этого я читаю тексты либо о войне вообще, либо о медиа-образах войны, но никак не о том, почему так, а не иначе, состоялся данный разговор о данной войне гендерного сообщества. Вернее, не состоялся. А ещё точнее, он, конечно, состоялся, он имеет, как я уже говорила выше, солидный объём и большое число участников. Но почему-то не только общественность или масс-медиа, но и мы сами не в состоянии подняться по отношению к себе же самим на уровень

рефлексии «второго порядка». Мы все как бы бессознательно говорим о другом, хотя заявлено, что мы тут комментируем свою собственную дискуссию.

Почему же этого не происходит? Мы ведь всё знаем о том, как строить дискурс, как анализировать, каталогизировать, деконструировать высказывания, как выстраивать типологии, как дифференцировать языковые регистры, как учитывать контексты, как включать и исключать себя, как менять перспективу. Но почему-то ничего из этого не практикуется в отношении изучаемого текста. Не «прирастает» к нему. Текст сам себя написал, сам себя закрыл и отторгает любое последующее вмешательство как избыточное и ненужное. И с этим трудно что-то поделать. И я тоже не могу одолеть этот второй уровень рефлексии, и от меня он ускользает, и я «загоняю» себя обратно «в стойло», к тексту, – как пастух упрямую корову, которая норовит улизнуть на простор. А ведь, казалось бы, многолетний опыт почти всегда генерирует возможность говорения. Возможность так или иначе подключиться к теме. Прибавить к уже проговоренному ещё и собственную перспективу. У Игоря Кона тоже опыт. Но он, тем не менее, посчитал дискуссию излишней и неуместной в данной академической рассылке.

Может, парадокс этой дискуссии, состоявшей на тот момент из 250 человек, что отнюдь не мало, заключался в том, что она никак не была включена в более широкий контекст? У неё не было выхода ни на СМИ, ни на политические институты, ни на гражданское общество. Это была попытка говорения о войне с феминистских и с гендерных позиций. И она состоялась. Ничего не прибавив в теоретическом плане к нашим знаниям о войне и о гендере. Ибо «Теоретически правда более высокого порядка, чем конкретные факты об этой войне, давно известна. Война дискурсивно проработана без остатка. Но это ничего не меняет в реальности» (Елена Луковицкая).

Когда я думаю о причине парадоксального барьера нас в отношении самих себя, то мне приходит в голову только бросающаяся в глаза неадекватность двух разных форм языка: вербального языка теоретического дискурса и эмоционального самовыражения, представленных в этой дискуссии о войне, и до-вербального языка властного жеста, каковым является любое насилие, и особенно война как его высшая, предельная форма. Война – это регрессия в до-вербальную языковую стихию (см.: «Регрессия – форма психологической защиты. Характеризуется тем, что при её реализации происходит возврат к более примитивным формам поведения и мышления, которые были свойственны для более ранней стадии онтогенетического развития» [<http://psi.webzone.ru/st/035100.htm>]). Но у сообщества нет другого способа реакции, кроме вербального языка. Культурный «зазор» между войной как прямым языком до-вербального жеста и глубоко дифференцированным языком гендерного анализа настолько велик, что языковый ответ на до-языковое событие насилия не «склеивается» с самим событием.

Вербальный языковой текст тяготеет к самому себе и привычному полю своего существования – внутри дискурсивного контекста, в соотношении с самыми разными средствами языковых описаний. И поэтому описание обособляется от своего предмета – жеста насилия. Описание по определению – несимметричная форма реакции на войну. Насилие и вербальный язык по своей природе имеют разные векторы. Язык созидает, жест насилия разрушает. Язык сублимирует отношение я к не-я, насилие его минимизирует и даже сводит на нет – неудобное «не-я» попросту элиминируется как нежелательная сторона противоречия, из которой носитель жеста не вступает в диалог.

Говорить не могут не только угнетённые. Говорить не могут и их антиподы – носители бесконтрольной власти. Они могут себе позволить плохо владеть вербальным языком. Для проявлений безграничной власти вербальный язык избыточен. Власть может себе позволить обходиться жестами и ритуалами. Словесное описание властных государственных ритуалов почти всегда указывает на до-языковые практики: властитель «является народу»; он может произнести властную формулу или заклинание, а может и просто продемонстрировать своё присутствие, предъявить символы власти – скипетр, державу, икону, корону; «поиграть мускулами», «поставить на колени» – «поднять с колен». Не случайно после развала Советского Союза сразу же начертались линии силовых конфликтов по периметру державы, высшая власть которой вошла в историю, между прочим, ещё и тем, что её репрезентанты не могли говорить. «Сосиски сраные» и «дорогой Блин Клинтон», невнятное пьяное бормотание Бориса Ельцина, силовые гэги Владимира Жириновского – это всего лишь иконические образы, которые тематизируют невладение вербальным языком носителей власти. Не в последнюю очередь благодаря такому не-владению языком дипломатии намечилось катастрофическое сползание в силовую конфронтацию на всём периметре огромной страны. В число «врагов» уже попали практически все соседи. Не только Грузия, Чечня, Молдова, Украина, Эстония, но и Белоруссия начинает отвечать на агрессивные жесты безъязыкого российского властного истеблишмента недовольным до-языковым рычанием.

Мы со своими дискурсами смешны там, где властвует до-языковая стихия. Где сам язык, если он применяется, соскальзывает до уровня архаичных пластов: знаковые фразы «мочить в сортире» или «она утонула», истерический мат министра иностранных дел Иванова – это симптомы вербальной импотенции. Весь вербальный язык, особенно дипломатический, даётся российским властям с огромным трудом, они его ненавидят, он им чужд, он им «жмёт», как узкий ботинок. Любовь к телесным демонстрациям типична для властителей-диктаторов или с диктаторскими замашками: голый Берлускони, полуголый Путин. Тому же Клинтону или Обаме раздеваться и играть мускулами совсем не обязательно. У них другой инструмент – вербальный язык. Язык дипломатии.

Российские, палестинские, афганские, африканские и прочие апологеты насилия – они вне языка. Если бы палестинцы вложили свои несметные деньги, потраченные на гранаты и автоматы, в «производство» ещё хотя бы одного Эдварда Саида, если бы у них рулили те, кто может говорить, а не только публично себя взрывать, что является архаическим жестом, то они уже давно имели бы своё столь желанное государство – если оно им действительно нужно.

Гендерный список в обсуждении войны «провалился» в зазоре между двумя типами языков: вербальным языком дискурса и невербальным языком властных жестов. Он погиб на полосе отчуждения. В отчуждении и изоляции даже от самих же себя. С этой полосы очень хочется бежать. Вот и авторы комментариев на данную дискуссию постоянно попадают под власть этого понятного импульса: уйти, увильнуть от разговора о самой дискуссии и говорить вместо этого о чём-то другом, якобы по поводу этой дискуссии, но на самом деле о том, что находится в рамках вербального дискурса. Но и тут я не выхожу за рамки текста дебатов, а только перефразирую высказывание Ирины Жеребкиной, прозвучавшее в обсуждении: «Как быть в этой ситуации и что сделать для того, чтобы не было политик исключения и всего того прочего, чем сейчас столь активно занимаются власти всех участвующих сторон, и здесь, т. е. в этом списке, и чтобы всё-таки продолжить феминистский диалог (когда люди находятся на разных идеологических позициях, что совершенно нормально), я лично просто не знаю. Но мне кажется, что список – это же наше собственное зеркало. И он отразит в нём и дальше зеркально то, какие мы все есть как феминистки в постсоветском пространстве. И если будет продолжение этой “зеркальной коммуникации”, то оно и будет».

Если уж описывать жанр дебатов, то это, скорее, хайдеггеровский «гул бытия». Ещё безъязыкого, но уже ощущающего необходимость своего прорыва в язык.